

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

МЕРТВАЯ БУХТА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мертвая бухта / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-111943-0

Уволившись из армии, Игорь Крымов едет в родную станицу на берегу Черного моря. Приятная компания, солнце и пляж обещают отличный отдых. Однако Игорь получил совсем не то, что ожидал. Он становится свидетелем необъяснимых и страшных явлений. Сначала призрак незнакомой женщины «не пускает» его на пляж. Потом рядом с местным кладбищем возникает фантом недавно умершего мужчины. По словам соседей, это были муж и жена, разлученные страшной трагедией. Крымов решает выяснить подробности и узнает историю, в которой на месте привидений оказываются вполне реальные люди, втянутые в беспощадную войну за место под солнцем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111943-0

© Колычев В.Г., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Море гладкое, как прилизанная шерстка на спине добермана, ветру сейчас не до него, он занят скальным дубом, с шелестом перебирая листья на кривых ветках, воду же не тербит, не топорщит. Но море «дышит», тяжелая гладь едва заметно покачивается, тяжелыми вальяжными волнами легонько выплескиваясь на берег. Вода прозрачная, солнце просвечивает ее насквозь, видно, как переливаются камушки на дне.

Скалы нависают над морем с трех сторон, образуя бухточку с язычком берега из ее глубины. И слева скала заходит в море, и справа такой же заслон. С пляжа можно уйти только по воде или по скале — вверх по крутому склону. И не идти вверх, а карабкаться, страхуясь по всем правилам альпинистской науки. Скала высокая, метров сорок, не меньше, а наверху старый погост — в тишине дубово-грабовой рощи. И если вдруг сорвешься с отвеса, то попадешь на это

кладбище через морг. Может, потому я и называл это место Мертвой бухтой.

Но до кладбища еще не скоро, моя Лика еще только-только слилась с природой, посвящая солнцу свой роскошный топлес, выстраданный в тяжких трудах на ниве фитнеса, диет и прочих издевательств над телом. Она долго ждала лета, изнывала от нетерпения по дороге к морю, позавчера, когда мы, наконец, приехали, была масса восторгов. И сегодня по пути к Мертвой бухте она едва обратила внимание на погост, вряд ли ее сейчас одолевали мысли о загробном мире. А вот обратный путь будет не таким легким, тяжелый подъем заставит задуматься о вечном. И в ином свете взглянуть на кресты и надгробья.

— Сейчас купаться пойду, — сказала она, переворачиваясь на живот.

Матрас под ней высокий, упругий, лежать и коптиться на нем одно удовольствие. И солнцезащитный грибок я также спустил на пляж вместе со всем необходимым. Организация пляжного отдыха — дело настолько же важное, насколько и приятное. Ничем другим ответственным в течение трех недель я заниматься не собирался. Только море, только отдых, только любовь. В смысле, заниматься любовью. Лика хороша собой во всех отношениях, но сердечных томлений не вызывала. Да и я для нее вроде как запасной аэродром — за неимением основного. Как только подвернется помоложе и побогаче, наша жизнь под одним одеялом тут же и закончится.

Девушка в поиске, даже на безлюдном пляже Мертвой бухты она нет-нет да оглянется, вдруг

принц под алым парусом причалил. И, переворачиваясь, бросает взгляд в морскую даль, не белеет ли яхта одинокая. Я-то ничего такого предложить не мог, а ей замуж за богатого поря, двадцать семь лет как-никак.

— Натрешь? — спросила она, подняв руку и указывая в сторону рюкзака.

— Может, набрызгать? — не очень весело отозвался я.

Пока грибок установил, пока матрасы накачал, то се, умаялся немного. Полежать бы без движения, но нет, надо подниматься, лезть в сумку за кремом. Сам я сбрызнулся спреем, но у Лики на него вроде как аллергия, ей больше нравится растираться молочком. Особенно когда ее растирают. Нет, я не против. Если бы не лишние телодвижения.

Кожа у Лики чистая, гладкая, приятная на ощупь, чем ниже, тем острее ощущения. Растирая ноги, я возбудился, ладони крабами полезли вверх.

— Эй! — качнула бедрами Лика. То ли протест выразила, то ли, напротив, приглашение сделала.

Вокруг ни души, подсматривать некому. Если только покойники с высоты не глядят. Мне-то не жалко, пусть смотрят, вспоминают, завидуют. Мне уже недолго осталось, сорок восемь лет за плечами, недалек тот час, когда прогулы на кладбище ставить начнут. А еще раньше упадет интерес к жизни, буду завидовать самому себе, вспоминая, как на Лику за-скакивал.

И все же я скользнул взглядом вверх по расщелине, в глубине которой по вмурованным в скальную породу скобам тянулся наш путь к дому. У самого

верха расщелина расширялась, горная тропка, огибая отвесный камень, плавно переходила в пологий уклон, по ней уже можно было идти без помощи руки. На этом отвесном камне я и увидел женщину в белом, до нее было метров пятьдесят, но на какое-то мгновение мне показалось, будто она стоит совсем рядом, только руку протяни. Я даже сумел разглядеть цвет ее глаз. Цвет чистого летнего неба на черно-белой фотографии. И не цвет выгорел, а сама жизнь из глаз ушла. И лицо у нее бледное, и серебринка в русом локоне волос, выбивающемся из-под белой косынки. Немолодая она, далеко за сорок, в этом возрасте женщины стесняются седины, подкрашивают волосы, а этой все равно. Поэтому как не живая она, в ее жилах текла мертвая кровь. А может, даже вообще не текла.

Это явление было похоже на мираж, но оно не исчезло, пропал только эффект приближения. Женщина осталась стоять на камне, но я уже не мог видеть седину в ее волосах, мелкие морщинки вокруг глаз, лицо с правильными чертами и высокими скулами.

— Что там? — встрепенулась Лика.

Только тогда я понял, что засмотрелся на женщину. Но ведь по-другому и быть не могло. Мертвая бухта, кладбище, покойница — все естественно и даже гармонично.

— Да ничего.

Я всего лишь мельком глянул на Лику, а когда поднял голову, женщины в белом уже не было. Испарилось видение, как Снегурочка под лучами летнего солнца.

Ли́ка тоже подняла голову, проследила за моим взглядом, но никого не увидела.

— А почему не растираешь?

— Так уже, — кивнул я, поднимаясь.

— Странный ты.

Ли́ка смотрела на меня, как молодая жена на старого мужа, за которым нужен глаз да глаз: и за давлением нужно проследить, и таблетку вовремя поднести, и о кефире на ночь не забыть. Только вот что-то не очень хотелось ей заботиться обо мне.

— Может, пойдем искупнемся? — предложил я.

Ли́ка кивнула, внимательно глядя на меня. Не так уж я и плох, если рвусь в холодную — по ее ощущениям — воду.

— А потом разотрешь? — спросила она.

Я отстраненно кивнул. Вроде бы и соглашался повторить, но без охоты. Вода и мне показалась холодной, она бодрила, встряхивая изнутри похлеще водки, но женщина в белом не выходила из головы. Я плыл и думал о ней, о мертвых, души которых, возможно, бродили где-то рядом, грелись на солнышке и даже купались. А в морских глубинах плавали русалки, которых я видел в «Пиратах Карибского моря». Эта мысль должна была испугать меня, но она послужила одним клином, которым выбило из головы другой.

Какие, к черту, покойницы? Какие души? Какие русалки?.. Я целый год вкалывал, как раб на галерах, греб к летнему отпуску и к своему домику на берегу Черного моря. Наконец свершилось. Я на своем любимом пляже с роскошной девушкой, под ярким солнцем, море просто чудесное, меня

должно распирает от восторга, а в голове какая-то чушь.

Я нырнул и огляделся в воде — не было вокруг никаких русалок, только Лика стоит по шиколотку в воде. Глаза улыбаются, а уголки губ капризно кривятся. И кожа на руках гусяная. Страшно заходить в холодную воду, да и зачем насиловать себя в первый день отпуска? Впереди целых три недели солнечного безделья, она еще успеет накопаться.

Я развернулся и саженками, с ускорением, рванул к Лике...

* * *

В ориентировании по карте важна привязка к местности, а в альпинизме — привязка к дереву. Подъем по скале без страховки — дело гиблое, но у меня все по уму, все по правилам. Верхним концом веревка привязана к дубу — через втягивающий блокиратор, нижним прикреплена к Лике. Промежуточные точки страховки — все как положено. Блокиратор автоматически втягивает веревку: если вдруг Лика сорвется вниз, она даже не будет падать, сразу зависнет над пропастью. В принципе, все просто, главное, чтобы устройства не отказали да веревка не оборвалась, но за это я спокоен. Хотя и волнуюсь, наблюдая за Ликой сверху. Стою, смотрю, чтобы трос не провисал. И при этом нет-нет да обернусь.

Кресты за спиной, каменные надгробья, чуть в стороне чернеет свежий могильный холм. В прошлые годы кладбищенские пейзажи меня не пугали, а сейчас вдруг мурашки по спине пробегают.

Ощущение такое, будто женщина в белом на меня смотрит. Но я не трус. И даже найду в себе смелость обойти все кладбище: вдруг найду памятник с ее фотографией?

Да, я не трус. И надо будет пройтись... Да, да, надо, иначе уважение к себе потеряю. Никогда такого не было, чтобы Игорь Крымов покойников боялся. И не будет!..

Лица зацепилась за верхнюю скобу, подтянулась... Девушка она тренированная, в поклонницах альпинизма не числилась, но какую-то практику имела, ей даже не пришлось ничего объяснять — сама все знала и умела. Но все же подъем дался ей нелегко.

— Ты чего такой бледный? — спросила она, всматриваясь в меня.

— Это у тебя в глазах рябит, — ответил я. — От напряжения.

Первый день на жарком солнце, как правило, заканчивался для меня красным лицом, так что не мог я быть бледным, никак не мог.

— Замерз? — провела Лица пальцами по моему предплечью.

Смешно это или нет, но моя кожа вспузырилась мурашками.

— Это ветер, — пожал я плечами.

— Да у тебя температура! — приложив руку к моему лбу, воскликнула она.

— Ну, может, перегрелся.

— Пойдем?

Лица снялась со страховки, освободилась от креплений, помогла мне уложить снаряжение в рюкзак.

Я не решался оставить страховочный комплект без присмотра. Как минимум — украдут, а как максимум — сподличают. Вдруг чья-нибудь злая душа подрежет веревку, обнулит ее ценность, а мы и знать не будем. Если грибок и матрасы, оставленные внизу на пляже, сопрут, ничего страшного, а подрезанная веревка — верная смерть.

К тому же злых душ на кладбище предостаточно, подумал я, взваливая на плечи тяжелый рюкзак. И все время, что мы петляли среди могил, посматривал по сторонам.

— Ты как на иголках, — заметила Лика.

— Да нет, — качнул головой я.

— Нет здесь покойников.

— Да не покойников нужно бояться, живые люди куда опасней, — проговорил я и поморщился — самому стало кисло от собственной банальщины, от этого мелкого плода умственного бессилия. Что-то не то сегодня со мной.

— Парацетамол в таких случаях помогает. — Лика правильно меня поняла.

Кладбища она не боялась, даже сложный подъем не подорвал ее психику. Зато на меня навалилось, и с этим действительно нужно было что-то делать. Тем более что мой дом, можно сказать, находился на переднем крае борьбы. Дом у самого кладбища, внезапный страх перед которым я должен был преодолеть. Вернее, доказать Лике, что я ничего не боюсь.

Если станицу в приморской ложине можно было сравнить с кляксой, то мой дом находился в длинном ее лепестке — через горную балку до самого кладбища.

Вряд ли мои предки были настолько глупыми, чтобы ставить дом рядом с погостом, но поселок разрастался, вместе с ним расширилось и кладбище. Оно и забрало сначала бабушку, затем дедушку, дом достался маме, а она отписала его мне.

От кладбища дом был третьим по счету, это слегка увеличивало его ценность по сравнению с первыми двумя. И тем не менее продать его можно было только по бросовой цене, родители поняли это сразу, поэтому и передали наследство мне — под летнюю резиденцию. Я сделал в доме ремонт, обшил глинобитные стены кирпичом, отделал изнутри, перестелил полы, установил сплиты и даже подвел канализацию. Лика еще вчера по достоинству оценила кровать из нового спального гарнитура, и душ она принимала, не выходя из дома. Комфорт, все удобства, а во дворе так и вовсе сказка, одна магнолия чего стоит.

Кладбище разрасталось в длину, пока не уперлось в первый по счету и последний по стоимости дом. Еще в прошлом году эта хижина имела плачевный вид, но праздник пришел и на ее двор. Дом обнесли кирпичным забором, установили откатные ворота, отделали снаружи, перестелили крышу. Вряд ли покупатели нашлись, скорее всего, наследники объявились. Но мне до этого дела нет. Мне бы сейчас в тенек, да и душ неплохо было бы принять. Возможно, у меня тепловой удар.

Я не аккуратист, не педант, заикленный на перфекционизме, но порядок люблю. Восемнадцать лет армии отдал, где все должно быть параллельно и перпендикулярно, тем более что занимался тыло-

вым обеспечением. И в московской квартире у меня все по полочкам разложено, и здесь у каждой вещи свое место. Во дворе чисто, нигде ничего не валяется, травка подстрижена, «Паджеро» в гараже, примыкающем к летней кухне, скамейка у дома протерта от грязи — садись, отдыхай и ни о чем не думай.

На скамейку я и бухнулся, бросив на нее рюкзак. Что-то нехорошо мне, морозец изнутри подкрадывается. Лика молча глянула на меня, кивнула, оценив мое состояние, и зашла в дом. За вчерашний день она успела там освоиться, холодильник полный, блинчики можно в микроволновке разогреть или пельмени сварить. Сама разберется, не маленькая. А я посижу, мне надо.

Лика вышла ко мне с тонометром, измерила давление: сто сорок на девяносто. Я пожал плечами — море, жара, физическая нагрузка на подъеме — все объяснимо. А Лика грешила на мой возраст. У меня сын всего на год ее младше, а я сам почти в два раза старше. Выгляжу я неплохо, поджарый, подкачанный, за здоровьем слежу, на возраст не жалуясь, но годы идут, еще немного, и начну превращаться в развалину. Или уже началось... Зачем я ей такой? Отпуск провести, отдохнуть и снова в поиск: вдруг повезет.

Но что бы там Лика себе не думала, к своим пусть и временным обязанностям она отнеслась вполне серьезно. И давление измерила, и температуру, принесла бутерброд, дала таблетку. К этому времени мне полегчало, и настроение приподнялось. Мы ведь от Москвы почти двое суток ехали, устали очень, а вчера я дом в порядок приводил, то одно, то другое, вечером вина выпили, кровать в спальне об-

новили. А с утра море и перепад высот, вот и пошла кругом голова, покойница померещилась. Как будто кладбище не могла посетить живая женщина в белом. Может, к мужу на могилку приходила. А почему в белом, так священникам, например, нельзя служить панихиду в черном. Смерть, по церковным канонам, — это радость, нужно быть в белом.

Меня отпустило, я принял душ и взялся за ужин — замариновал курочку и приготовил ее на мангале. Ужинали мы с Ликой у летней кухни, в беседке, с трех сторон оплетенной виноградом, из которого было приготовлено и поданное к столу вино. Родители мои жили далеко, я тоже не мог смотреть за домом круглый год, поэтому отдал свой огород в бесплатную аренду соседям, они собирали осенью созревший виноград, часть от урожая оставляя мне, в переработанном, разумеется, виде. И кукурузки мне вчера баба Варя принесла с моего же огорода. И помидорчиками поделилась, и перчиком. А томаты здесь не чета московским, запах солнца в них. И вино вкусное, пьяное.

— Полегчало? — спросила Лика.

— А когда мне тяжело было? — удивленно повел я бровью.

— Нет? — усмехнулась она.

— И кладбища не боялся.

— Ну да, живых надо бояться.

— И живых не боюсь...

— Живых мертвецов?

Я поднялся, вышел из беседки, закинул голову. Луна полная, желтая с кровью, небо сплошь в звездах. И Млечный Путь подсвечен душами умерших.